

Сомнения святителя Луки

Как известный святой чуть не отказался
от церковного служения

«Мне снилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещен только алтарь. В церкви неподалеку от алтаря, у стены, стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на престоле положена широкая доска, и на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и сзади престола стоят студенты и курят папиросы, а я читаю им лекции по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с немым укором. Я с ужасом проснулся». Этот сон епископ Лука увидел в один из самых трагических моментов своей жизни. Ему предстояло сделать выбор: продолжать церковное служение или полностью уйти в хирургию, где всё обещало ему блестящую карьеру. Но даже ужасное видение не смогло до конца избавить его от сомнений...

Игумен Дамаскин (Орловский),
ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», клирик храма Покрова Божией Матери на Лыциконой горе (Москва),
www.fond.ru

Исповеднический подвиг — это не гладкое шествие по широкой дороге, зачастую он связан с колебаниями, отступлениями и даже падением. В конце концов, важным является не то, с какими трудностями, остановками, разного рода зигзагами и отступлениями от прямого пути двигался человек к вечной цели, а как он завершил свою жизнь. В Древней Церкви христиане были более открыты и не боялись говорить о себе правду, близость к Богу для них была куда важнее, чем то, как они выглядят в глазах других людей. В наше время постоянное соприкосновение с пронизанным гордостью и лукавством миром все менее вызывает желание открывать правду о себе и о своих нравственных колебаниях. Мир стал сильнее, а христиане слабее. Только немногие, такие, как праведный Иоанн Кронштадтский или священноисповедник Лука (Войно-Ясенецкий), позволяли себе, как бы принося себя в жертву, широко открывать свое сердце перед людьми.

Священноисповедник Лука родился в 1877 году в городе Керчи Таврической губернии и в крещении был наречен Валентином. Талантливый проповедник и гениальный хирург, в 1923 году он был пострижен в монашество с именем Лука и хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского. В 1931 году Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило его к ссылке в Северный край на три года, и он был отправлен в Архангельск. Начались колебания в выборе между

архипастырской деятельностью и медицинской, к которой все настойчивей его склонял внутренний помысел.

В Архангельске он долго не мог найти себе квартиру, был некоторое время в прямом смысле бездомным. Врачи больницы, куда он был определен работать хирургом, встретили его недружелюбно; неприветливо встретил его и епископ Архангельский Аполлос (Ржаницын), — этим Господь исподволь указывал на ошибочность избираемого владыкой пути — следовать призванию врача-ученого, нежели пастыря.

Вскоре по медицинской надобности, касающейся его собственного здоровья, он выехал в Ленинград, где ему была сделана операция.

Из больницы владыка отправился к митрополиту Ленинградскому Серафиму (Чичагову) в Новодевичий монастырь. Это было в субботу, незадолго до всенощной. Епископ Лука стоял в алтаре в самом обычном расположении духа, не предвещавшем ничего необыкновенного. Но вдруг перед чтением Евангелия им овладело сильное волнение, ежеминутно нараставшее и достигшее своего предела, когда он услышал слова Господа Иисуса Христа, обращенные к апостолу Петру: *Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих?.. Паси овцы Моя...* (Ин 21:15–16).

Слова Христовы точно пронзили его. Владыка задрожал от волнения, он всем своим существом воспринял их как обращенные непосредственно к нему, епископу Луке, именно его призывающие пасти

Святитель Лука
со своими сыновьями.
Начало 1930-х гг.

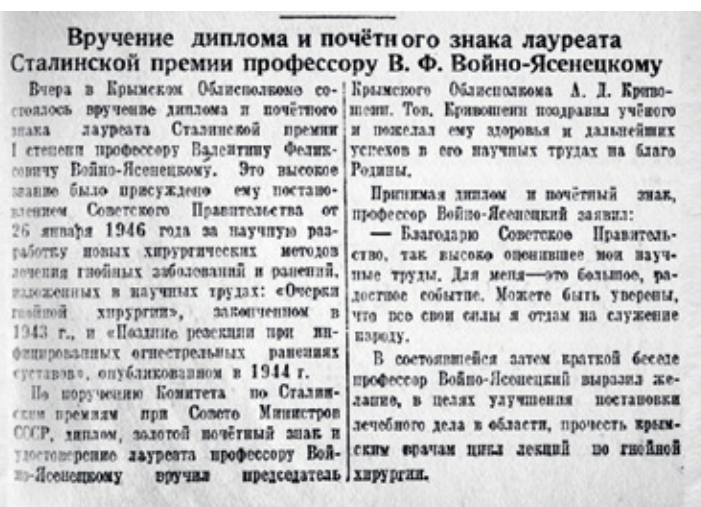
стадо Христово. Он с трудом дождался конца богослужения и пошел к митрополиту Серафиму — рассказать о том нравственном потрясении, которое он испытал во время всенощной. Но тот, как это часто бывает, не смог проникнуть в смысл происшедшего и отнес всё к рядовому религиозному переживанию.

Еще в течение двух-трех месяцев епископ Лука остро вспоминал пережитое:

стираться и забываться. Не может же Господь непрестанно обращаться к человеку с одним и тем же, как бы стремясь насильно пленить его волю.

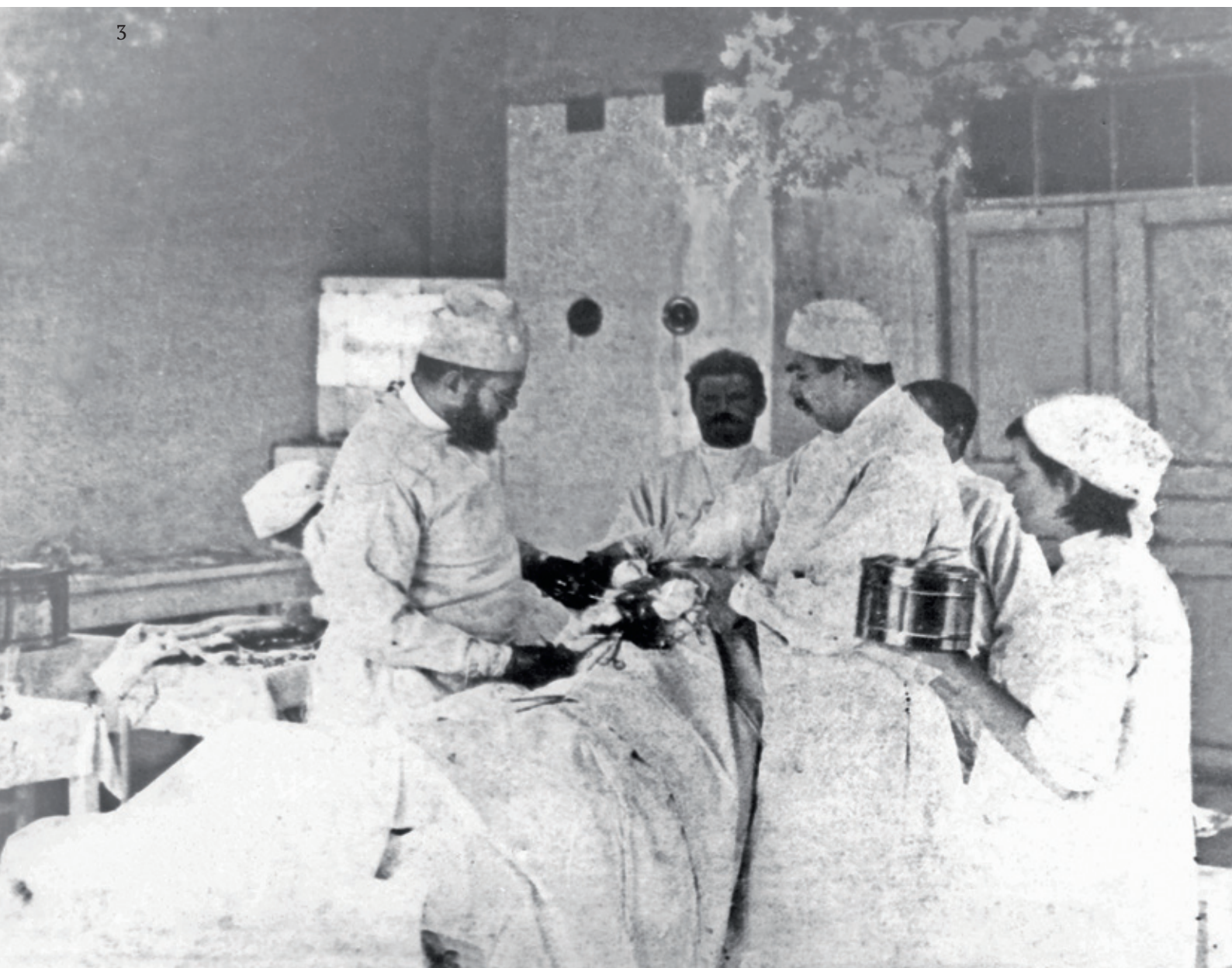
По возвращении в Архангельск епископ Лука был вызван в Москву, где в течение трех недель особоуполномоченный ОГПУ подолгу беседовал с ним под предлогом того, что ему поручено изучить дело епископа, так как начальство в Москве считает несостоятельным предъявленное ему обвинение. В действительности же лукавый совратитель человеческих душ исподволь изучал святителя, одновременно беспрестанно ему льстил и превозносил до небес как хирурга и, изучая его реакцию на похвалу, обещал предоставить ему хирургическую кафедру в Москве, как бы невзначай подводя к тому, что для этого надо отказаться от священнослужения.

Медовые речи искушителя сладким ручейком вливались в сердце святителя и отравляли его своим ядом: пристрастие к хирургии под влиянием льстивых речей все более укреплялось, занятие хирургией стало казаться делом самым нужным и существенным, все менее хотелось от него отрываться; духовный сон все более сковывал и оплетал паутиной душу, — и он в конце концов написал властям заявление: «Я не у дел как архиерей и состою на покое. При нынешних условиях не считаю возможным продолжать служение, и потому, если мой священный сан этому не препятствует, я хотел бы получить возможность

Заметка о вручении
В. Ф. Войно-Ясенецкому
диплома лауреата
Сталинской премии.
Газета «Красный Крым»,
3 декабря 1946

точно как к Петру во время допроса, Господь поворачивал лик, напоминая ему о предательстве, и всякий раз слезы градом лились из его глаз, но постепенно повеление Божие, как не принятое к исполнению, начало из памяти

1. Митрополит Арсений (Стадницкий) и епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Ташкент, 1928

2. Преподаватели Института усовершенствования врачей. Епископ Лука — в центре. Ташкент, 1936

3. Профессор Войно-Ясенецкий оперирует пациента. Хирургическое отделение городской больницы в Ташкенте. 1917

работать по хирургии. Однако сана епископа я никогда не сниму».

Копию этого заявления он отправил заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Однако епископа Луку после этого заявления не только не освободили, предоставив место хирурга, как он надеялся, но вернули в Архангельск, увеличив срок ссылки еще на полгода, предполагая усилением репрессий добиться снятия сана. Не зная, что предпринять, епископ Лука в растерянности написал митрополиту Арсению (Стадницкому) в Ташкент, советуясь с ним, но тот поддержал его решение на время оставить служение и заодно посоветовал ему вообще не возвращаться в Ташкент, чтобы и самому не сталкиваться с чересчур религиозно настроенным архиереем.

Епископ Лука написал схиархиепископу Антонию (Абашидзе), жившему в Киеве, поведав ему о своих сомнениях в правильности своего решения заняться исключительно хирургией, — но и владыка Антоний, убавляющая его совесть, ответил, что не видит в этом поступке зазорного.

В конце 1933 года епископ Лука был освобожден. На пути в Москву Господь попустил ему попасть в крушение поезда. Это, хотя и напугало его, но не образумило, он не стал пересматривать правильность своего решения.

В Москве он первым делом явился в канцелярию митрополита Сергия, и секретарь митрополита спросил епископа, не желает ли тот занять одну из свободных кафедр. «Оставленный Богом и лишенный разума, — свидетельствовал впоследствии священноисповедник, — я углубил свой тяжкий грех <...> страшным ответом: “Нет”».

От митрополита Сергия епископ Лука направился в Наркомат здравоохранения, чтобы ходатайствовать о предоставлении ему возможности заниматься в каком-нибудь

исследовательском институте разработкой вопросов, касающихся гнойной хирургии. Но по милости Божией получил в этом отказ.

Впереди не виделось никаких перспектив, ему буквально некуда было деться. На обеде у митрополита Сергия один из архиереев посоветовал ему поехать в Феодосию. В этом совете не было ничего разумного, но, утратив способность к рассуждению, он последовал бессмысленному совету и отправился в Феодосию.

«Там, — вспоминал он впоследствии, — я чувствовал себя сбившимся с пути и оставленным Богом, питался в грязной харчевне, ночевал в доме крестьянина и, наконец, принял новое bestолковое решение — вернуться в Архангельск <...> и, немного опомнившись, уехал в Ташкент...»

Я опустил до такой степени, что надел гражданскую одежду и в Министерстве здравоохранения получил должность консультанта при андижанской больнице.

Там я тоже чувствовал, что благодать Божия оставила меня. Мои операции бывали неудачны. Я выступал в неподходящей для епископа роли лектора о злокачественных образованиях и скоро был тяжело наказан Богом. Я заболел тропической лихорадкой <...>, которая осложнилась отслойкой сетчатки левого глаза. <...> Я оставил работу по гнойной хирургии и поехал в Москву. <...> Я лежал с завязанными глазами после операции, и поздно вечером меня опять внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать нарком здравоохранения, и с этими мыслями заснул...» Тем вечером епископу Луке и приснился тот самый сон, который он позже назвал вещим, — о трупe в алтаре храма и святом, восставшем из раки:

«Непостижимо для меня, что этот страшный сон не образумил меня. По выписке из клиники я вернулся в Ташкент и <...> продолжал работу в гнойно-хирургическом отделении, работу, которая нередко была связана с необходимостью производить исследования на трупах. И не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы для епископа. Более двух лет еще я продолжал эту работу и не мог оторваться от нее, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия, и собранные в гнойном отделении наблюдения составили впоследствии важнейшую основу для написания моей книги “Очерки гнойной хирургии”.

В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: “В этом не кайся!”».

В 1942 году владыка Лука был возведен в сан архиепископа и в 1946 году — назначен на Крымскую кафедру. Один из самых авторитетных святителей Русской Церкви, он всю последующую жизнь служил Святой Церкви, противостоял властям, пытавшимся ее разрушить, возражал, когда считал это необ-

Архиепископ
Лука (Войно-
Ясенецкий).
Фото из
следственного
дела. 1939

*Похороны
архиепископа Луки
Войно-Ясенецкого.
11 июня Церковь
празднует память
священноиспо-
ведника Луки,
архиепископа
Симферопольского
и Крымского*

ходимым, Патриарху, предлагая выходы для решения проблем, какие подсказывали ему голос совести и верующее сердце.

Священноисповедник Лука скончался рано утром в воскресенье 11 июня 1961 года в день, когда Русская Православная Церковь праздновала память Всех святых, в земле Российской

просиявших. Когда выносили гроб, вся улица заполнилась народом, и движение по ней прекратилось. Люди стояли на тротуарах, на балконах и в окнах. Впереди машины с телом святителя шли женщины в белых платочках, которых священноисповедник вслед за Христом называл «малым стадом», которому Отец Небесный благоволил дать Царство (Лк 12:32). Ничего не боясь, они шли впереди и до самого кладбища пели: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Уполномоченный и сотрудники КГБ уговаривали их замолчать, угрожали им и всячески пытались прекратить пение, но на все слышали ответ: «Мы хороним нашего архиепископа».

Мужественному святителю-исповеднику были устроены достойные его мужества и исповеднического подвига похороны, и он вместе с апостолом Павлом, в завещание всем проходящим земное служение святителям, мог бы сказать: *Будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника. <...> Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...* (2 Тим 4:5, 7–8). Прославляя святителя в лике святых, Господь даровал ему после блаженной кончины дар исцелять не излечимых медицинскими средствами больных. **ф.**

